Следующее утро было одним из самых ужасных в жизни Натали. Это было прямо там, после ее первой смены и той ночи, когда она впервые встретила Шеннон, когда ее мышцы кричали на нее в знак протеста против малейшего движения. Это само по себе было бы не так уж плохо, если бы не то, что сейчас она была большой ложкой для своей любовницы. Это означало, что ее руки и ноги должны были двигаться прежде, чем Шеннон смогла бы даже встать, чтобы помочь ей. Однако, поскольку в данный момент бодрствовала только она одна, Нат решила, что остаться в постели еще немного дольше было бы фантастической идеей. Чтобы удержать себя от того, чтобы двигаться и причинять еще большую боль, она перевела взгляд обратно в область души. Там она обнаружила, что проснулась не первой, но та, другая, которая была на ногах, казалось, была так же несчастна оттого, что проснулась, как и она. Щенки Сики уже ползали вокруг и хотели позавтракать, из-за чего их мать не могла заснуть. Видя, что сейчас самое подходящее время, Нат сосредоточилась на Сике, да так сильно, что это ее удивило. Что-то повлияло на ее способность заглядывать в пространство души между вчерашним и сегодняшним днем, поскольку она была способна увеличить изображение дальше и с гораздо большей ясностью.

Используя этот зум, она проверила состояние тела матери-собаки и ее молока. Судя по тому, что она видела, на волчицах не было ни припухлости, ни раздражения, ни обесцвечивания каких-либо частей тела, хотя на некоторых матерях имелись следы от укусов, главным образом одиночных. У их щенков уже начали расти зубы, и они кусали все, что попадало им в рот. Единственным, у кого было молоко, была Сика, но оно было приятного белого цвета, без каких-либо признаков крови или гноя, выходящих вместе с ним. Было ли это случайно, или просто природа ландшафта души еще не была видна. Однако хорошим знаком было то, что каждый щенок был здоров, имел хорошую температуру и хорошо питался.

Пока она просто любовалась спящими или кормящими щенками, Нат вдруг почувствовала резкую боль, пронзившую ее конечности. Эта внезапность заставила ее мгновенно отступить назад и увидеть, как Шеннон осторожно пытается оторвать ее руку. Шипение боли вырвалось из губ Натали, заставив ее любовницу полностью прекратить то, что она делала. Сделав как можно меньше движений, Шеннон повернулась на другой бок и оказалась лицом к лицу с Нат. Не было произнесено ни слова, но выражение боли, отразившееся на лице Натали, сказало достаточно. Возможно, она немного подтолкнула свою жену, когда дело дошло до тренировки прошлой ночью. Либо так, либо секс после этого определенно был немного чересчур. Как бы то ни было, сегодня вечером ей придется немного сбавить обороты после того, как она все это проделала.

Они лежали вместе, пока Майя и Кали не проснулись. То ли дело было в том, что они уже были в довольно приличной форме, то ли просто свидетельство того, что интимность после этого была слишком большой, но обе женщины-волчицы сообщали, что при каждом движении у них появлялись лишь небольшие вспышки болезненности. Ничего изнурительного, но это определенно было заметно. Быстро, как только могла, Шеннон встала с кровати и начала

заставлять Кали и Майю вытаскивать вещи из душевного пространства Натали. Пакеты со льдом, тепловые пакеты и продукты для завтрака потекли, как вода. Аккуратно уложив пакеты на самые тяжелые язвы, Шеннон оставила свою любовницу, чтобы выйти на улицу и начать готовить завтрак. Как бы сильно она ни хотела угостить свою любовницу какой-нибудь вкусной едой, то, что было сделано или прервано для тренировок, было диетой. Если вы не будете постоянно есть то, что нужно вашему организму, а вместо этого сосредоточитесь на том, что вы хотите съесть, ваши тренировочные усилия будут обречены на неудачу.

Только через два часа после восхода солнца Нат почувствовала, что может встать и справиться с болью. Каждый шаг все еще причинял ей боль, но она, по крайней мере, смогла выйти и сесть рядом с остальными. Кали и Майя сидели рядом с Шеннон, и все трое, казалось, разговаривали, но все это было довольно беззаботно, насколько могла судить Нат. По крайней мере, до тех пор, пока она не подошла ближе и не узнала, что они обсуждают планы дальнейших учений. Хотя это и беспокоило ее, внезапное ворчание, исходящее из ее желудка, было гораздо более насущной проблемой. Однако это было уже давно после того, как она почувствовала, что Шеннон начала готовить еду. Она ожидала, что ей придется принести еще еды из своего душевного мира, но, когда она села рядом с Шеннон, перед ней появились тарелки с блинами и сосисками. Она не чувствовала никакого использования своего душевного ландшафта, поэтому повернулась и посмотрела на своего возлюбленного. Конечно же, в следующий момент она поняла, что стаканы сока вышли из ее душевного ландшафта, на гигантской руке гориллы.

Оказалось, что сегодня утром мутировавшая горилла, с которой Шеннон впервые заговорила, наконец-то пришла в сознание после того, как потеряла сознание сразу же после соединения. Благодаря этому она смогла получить некоторые вещи, хранящиеся внутри, и передала информацию, которую она узнала, горилле внутри. Как и Кали поначалу, он был способен говорить телепатически, хотя и крайне неровно. Благодаря этому, однако, барьер общения уменьшился, и знание передавалось туда и обратно. Таким образом, пища была порождена и съедена внутри ландшафта души, и несколько предметов первой необходимости были спрятаны. Довольная тем, что Шеннон наконец-то смогла хранить вещи, Нат начал двигаться, чтобы обнять ее. Однако Шеннон остановила ее, приложив палец ко лбу, а затем с серьезным выражением лица указала на еду. Настолько, что можно было подумать, что она была либо учительницей, либо матерью. Все, что Нат могла сделать, это смущенно улыбнуться, прежде чем повернуться к тарелкам с едой, которые стояли перед ней. Увидев, что еда соответствует по количеству тому, что она съела накануне вечером, Нат вдруг забеспокоилась, доживет ли она до конца дня.